

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как мой отец разгромил инферналов. Трудно назвать это древней историей. Однако этого времени хватило, чтобы осиротевшие дети выросли и стали стражниками, гражданами и членами Совета. Майя не шутила, когда говорила, что у меня здесь не будет друзей.

Я не ожидал, что меня примут с распростертыми объятиями, но, по правде говоря, также не ожидал, что меня закуют в кандалы. Какая-то часть меня надеялась на эту маленькую демонстрацию, рассчитывала хоть на какую-то частицу доброй воли, но пока что все, что удалось получить — это собственную жизнь и пару кандалов. Я попробовал размять пальцы, чтобы поддержать кровообращение. По большей части они были похожи на те, что использовали егеря, но их отличие заключалось в множестве сложных металлических колец и стержней, предназначенных для разделения пальцев. Это, в сочетании с иероглифическими рунами, вырезанными на кольцах, давало понять, что это устройство было своего рода ограничителем магии.

Ну и ладно. Нужно быть чертовски глупым, чтобы даже подумать о возможности использовать свою силу сейчас.

Майя подняла шум, но она мало что могла сделать. Ее семья не была особенно влиятельной, насколько я понял, авторитет, который они могли иметь, был существенно подорван появлением тринадцатилетнего сына Короля-тирана. Если их целью было унижить и спровоцировать меня, то на эту приманку я не клюну. Мы подошли к порталу.

— Задержи дыхание, — прошептала Майя, — это может дезориентировать.

Я думал, что вход в портал будет сопровождаться электрическим током, как будтоходишь в туннель, наполненный статическим электричеством. Вместо этого было ощущение, что проходишь через вязкий гель. Он дергал за волосы и кожу, как будто намеревался полностью оторгнуть меня, барьер растягивался до тех пор, пока не разорвался. Наступил момент дезориентирующей невесомости. Затем, за неимением лучшего слова, мы приземлились.

И я понял, насколько плохо были изучены все истории об Инфернальном анклав. Слова, которые так часто приписывали анклаву — «большая пещера», были почти фантастически упрощенными. Представьте себе на мгновение прибрежный город с умеренным достатком, усеянный лачугами и маленькими домиками на окраинах, со временем перерастающими в более крупные дома и строения, выстроенные неровным полукругом вокруг океана. Но вместо океана здесь была огромная черная пропасть, уходящая в глубину так далеко, что невозможно было рассмотреть конец. Неба не было, только потолок из камня на высоте мили, весь город был заключен в геологический купол. Больше всего впечатляла массивная огненная сфера света на вершине выпуклого купола, служившая миниатюрным солнцем.

— Эльфион, — сказал я в благоговении.

— Да. Чувство удивления никогда не проходит, — Майя окинула взглядом окрестности, в ее голосе прозвучала ностальгия. Она прожила с Барлионом много лет, и, должно быть, ей было

приятно вернуться домой. Я был рад за нее, хотя немного завидовал.

Охранник у меня за спиной подтолкнул меня вперед. — Не останавливайся, человек. — Толчок был даже не особенно сильным. Он не мог знать, что его действия будут иметь такие серьезные последствия. Я споткнулся и почувствовал огненный разрыв в груди, как будто что-то вырвалось наружу. Мое зрение медленно померкло. Последнее, что я увидел, была Майя, стоящая на коленях надо мной, в ее белых глазах плескалось отчаяние.

Я парил в темноте. Огромный зверь был неподалеку, но он еще не заметил меня. Откуда-то сверху доносились голоса. Обрывки разговора.

— Я говорила, что он болен, но они не хотели ничего слышать...

— ...о чем ты думала?...привести его...

— ...«повреждение души» ...он спас мне жизнь. Не раз. Я в долгу перед ним...

— Глупая девчонка. Никто никому ничего не должен. Ты знаешь, что будет с тобой, если...

— Мне все равно. Я вызвала...

— ...решение принято. Оно не может быть отозвано. Ты пожалеешь...

— ...пожалуйста. Я умоляю вас...

— ...да будет так. Но есть кое-что, что ты должна сделать...

Голоса стихли. Я парил в темноте, казалось, целую вечность. Медленно ко мне возвращалось ощущение, что у меня есть тело. Хотя я парил в невесомости, но чувствовал руки, ноги, лицо. Мысли блуждали. Думал о Лилиан. О том, как солнце освещало ее лицо, волосы, когда она работала в мастерской. Она появилась передо мной, паря в небытии. Не более чем галлюцинация, призрак тоски, обретший форму, но очень хотелось, чтобы она была реальной.

— Прости.

— За что? — спросила она. Звук отразился эхом.

— Ты была первой, к кому я хотел пойти. Просто увидеть тебя снова живой значило бы для меня все.

— Да, — сказала Лилиан. Ее мелодичный голос приобрел скорбную ноту. — Кэрн, которого я

знала, перевернул бы небо и землю, чтобы вернуться ко мне, будь проклят Ускар. Ты изменился.

— Нет. — Я покачал головой. — Нет. Это неправильно. Я все еще я.

— Правда?

Перед моими глазами промелькнул образ Таска, истекающего кровью в переулке.

Я вздрогнул.

— Это была не критика, любовь моя. Просто наблюдение. — Лилиан обняла меня со спины, и мне стало больно. Она тихо сказала на ухо. — Я никогда не стану кем-то большим, чем дочерью аптекаря. Я не могу изменить свою судьбу. Ты, с другой стороны, так сильно изменился за столь короткое время, а мне суждено остаться прежней. Я не могу помочь в этой борьбе. Ты должен это знать.

У нас было много подобных разговоров, задумчивых, в которых проскальзывали философские мысли. Но ни один из них не задевал меня так сильно.

— Нет, — решительно сказал я. — Не могу в это поверить. И не собираюсь в это верить. При достаточной власти и силе мне было бы достаточно просто твоего присутствия рядом.

— Сила извращает, любовь моя. Больше, чем даже смерть. Сила заманивает хороших людей во тьму.

— Тогда что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил я, расстроенный.

— Это будет сказано. — Лилиан печально посмотрела на меня. Она начала удаляться. Я потянулся к ней, но рука прошла сквозь ее запястье. Ее очертания становились все слабее и слабее, сливаясь с чернотой.

Откуда-то из темноты я в последний раз услышал ее голос.

— Как сильно ты еще изменишься перед концом?

Я проснулся, вытирая слезы с глаз. Неважно, насколько реальным это казалось, я твердил себе, что это всего лишь сон. Разум пытается справиться с необработанными эмоциями. Я медленно сел, осторожно ощупывая грудь. Боль прошла. В памяти всплыло, как Майя с кем-то разговаривала. Может быть, с врачом? Наверняка с ним.

Медленно я сел, осматривая комнату. Она была похожа на стеклянную коробку, только стекло

было черным и прохладным на ощупь. Комната была хорошо освещена, но здесь не было ни факелов, ни люминесцентных ламп. Казалось, свет проникал через две панели в высоком потолке. Не было ни окон, ни дверей, и вся комната была пуста, если не считать изношенного матраса, задвинутого в угол, и ведра.

Ах. Это не медицинское учреждение. Это тюрьма.

Я нахмурился. Что-то пошло ужасно не так. Я задался вопросом, привела ли Майя меня в это место с каким-либо расчетом на то, что это может случиться. Как по команде, послышался ее слабый голос. Я двинулся в сторону комнаты, откуда доносился звук, и прижал ухо к стене. Голос был слишком слабым, чтобы разобрать слова, но это точно была она. Казалось, она кричала во всю мощь своих легких, ее голос достигал предела.

Это был не лучший предвестник моих будущих отношений с инферналами. В качестве эксперимента я протянул руку и вызвал искру. Она появилась, но лишь на мгновение, после чего свет потух и угас. Часть стекла под моими ногами засветилась фиолетовым светом.

Хм.

Я встал на матрас и снова вызвал искру. На этот раз засветился ближайший ко мне участок стены, хотя для того, чтобы погаснуть, потребовалось немного больше времени. Значит, физический контакт был неважен.

Здесь не было ни решеток, которые можно было бы подпилить, ни замков, которые можно было бы взломать, а магия была фактически бесполезна. Скорее всего, это была такая камера, за которую Барион буквально убил бы.

Я поэкспериментировал еще немного. Постучал по стенам и полу, ища хоть какую-нибудь конструкцию. И да, поджег свой матрас. Пламя потухло почти мгновенно, и в камере остался лишь едкий запах горелой ткани.

Исчерпав все возможные способы, я лег и заснул.

Проснувшись, снова почувствовал разочарование и злость. Я спал уже десять раз. Понятия не имею, сколько прошло дней, потому что освещение не менялось. Конечно, прошло какое-то время, одежда была грязной, от меня пахло так, будто я давно не мылся, но некоторые аспекты просто не соответствовали тому, что было снаружи. Например, меня все больше мучила паранойя, что ведро очищается само по себе. Я пользовался им несколько раз, и после нескольких использований всегда обнаруживал, что оно пустое и безусловно чистое. Возможно, кто-то пробирается сюда, чтобы сменить его, пока я сплю, но, учитывая то, как чутко я сплю, в сочетании с полной тишиной в камере, это казалось маловероятным.

Гораздо более тревожным был тот факт, что меня не кормили. Никто не приносил ни еды, ни воды, причем ни разу. Но самое непонятное заключалось в том, что не хотелось ни есть, ни

пить. Не поймите меня неправильно, я скучал по еде. Фантазировал о всевозможных видах жареного мяса, вспоминая банкет Дезирика с такой живостью, что началось слюноотделение. Но желание еды и воды никогда не перерастало в настоящий голод и жажду. Не было ни болей в желудке, ни сухости во рту и горле. Все было неизменно нормально.

Примерно в это время я начал понимать, что меня подвергают изошренной форме пытки. Это было умно, правда, чисто психологическая пытка, а не зверства, которые происходили в подземельях Уайтфолла, тем не менее было пыткой. Их цель, как я догадался, заключалась в том, чтобы изолировать меня от всего, что напоминало бы рутину. И это работало. Казалось, что стены становятся меньше, с каждым мгновением на миллиметр.

Единственный перерыв в этом был каждые пять-десять снов, когда в камере начинался дождь. Только в центре. Приходилось с трудом раздеваться, так как дождь длился считанные минуты, хотя мог быть гораздо дольше или короче. Ощущение времени все больше искажалось.

Я начал заниматься спортом, в меру своих возможностей. Сефур научил меня несколькими силовыми упражнениями. Бегал на месте, отжимался, в конце концов от скуки перешел к более сложным упражнениям, таким как стойка на руках у стены. Обнаружил, что если полностью вымотать себя, то гораздо легче заснуть под ярким светом.

Так продолжалось некоторое время, пока Аннет не прошла сквозь стену камеры. Я уставился на нее. Она выглядела точно так же, как в ночь коронации. Это не могло быть реальностью. Неужели?

— Аннет? Это ты?

Она загорелась, и я отшатнулся. Аннет уставилась на меня, ее глаза обвиняли, когда она исчезала в небытие. Даже мои галлюцинации не могли потрудиться поддержать разговор. Я хмыкнул и вернулся к своей пробежке.

Казалось, что прошли годы, но позже я узнал, что прошло около трех недель, прежде чем часть стены раздвинулась и в нее наконец вошел инфернал. Я встал, приподнявшись с матраса. Гнев на то, что меня посадили в тюрьму, почти полностью рассеялся. Вместо этого приходилось бороться с желанием протянуть руку и дотронуться до него, чтобы убедиться, что он настоящий.

Инфернал был синекожим и старым. У него было доброе лицо, хотя я уже давно научился не доверять таким впечатлениям. Глаза были такие же глубокие и пронизательные, как и кожа. Рога на его голове были гораздо больше, чем у обычных инферналов, и окрашены в бледно-белый цвет, а не в типичный черный. Возможно, он был просто стар. Тем не менее инфернал ходил со странной, размеренной грацией. Дверь за ним захлопнулась. Он сел передо мной, скрестив ноги, и я без слов присоединился к нему. Может быть, это звучит жалко, но я был просто рад компании.

Он, казалось, закончил изучать меня, бессловесно придя к какому-то выводу, затем оглядел комнату с отвращением. — Я должен извиниться за своих товарищей, принц. Даже в страхе

они злобны. — Его взгляд вернулся ко мне. — Тем не менее, у тебя замечательные друзья, раз они вытащили меня из глубин святилища.

Этот термин был мне незнаком, но я понял его так, что Майя справилась. Конечно, так и было.

— Я, Я, Я... — Я остановился, внезапно зажмурившись от раздражения. Появился внезапный, безосновательный страх, что если я не поговорю с ним как следует, он может уйти. — Извините.

— Не торопись. Время, проведенное в камере магуса, тяжело для любого, особенно для ребенка. — Он произнес последнее слово с насмешкой. Он заговорщически огляделся вокруг. — Зови меня Мортус. И, не говори никому, но я пронес контрабанду.

Он достал из своей мантии мешочек, и я каким-то образом сразу определил исходящий от него запах. Свежие жареные орехи. У меня сразу же хлынула слюна, пришлось проглотить внезапно нахлынувший поток. Он протянул руку, чтобы передать его мне. Ногти у него были длинные и черные.

А на его руке, впечатанный в пятнистую кожу, был символ метаморфозы.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2430206>